

это совпадение казалось знаменательным. Собрание, однако, не обратило на это внимания и выразило сомнение в подлинности письма; народ же вполне естественно стал подозревать, не находится ли само Собрание в заговоре с Лафайетом?

Между тем брожение все росло, и наконец 20 июня произошло первое движение. Народ, прекрасно организованный по секциям, наводнил Тюильри. Движение кончилось, как мы видели, довольно скромно; но буржуазия была напугана, и Собрание ударились в полную реакцию, издав декрет, направленный против всяких сборищ. Затем 23 июня приезжает Лафайет. Он является в Собрание, признает письмо от 18 июня своим и подтверждает его. В резких выражениях он порицает движение 20 июня и еще более резко обличает всех якобинцев. Люкнер, командующий другой армией, присоединяется к Лафайету в осуждении 20 июня и в выражении верноподданных чувств к королю. Затем Лафайет разезжает по Парижу «в сопровождении 600 или 800 офицеров из парижского войска, окружающих его экипаж»¹. Теперь мы знаем из обнародованных с тех пор документов, зачем Лафайет приезжал в Париж. Он приезжал, чтобы убедить короля дать себя похитить, а затем поставить его под защиту войска. Теперь это достоверно известно; но и тогда уже к генералу начинали относиться с подозрением. В Собрание было даже внесено 6 августа предложение о предании его суду; но большинство, как мы видели, высказалось в его пользу. Лафайет торжествовал; но что же должен был думать об этом народ².

«Боже мой, как плохо идут дела, друг мой! - писала г-жа Жюльен своему мужу 20 июня 1792 г., - поведение Собрания так раздражает массу, что если Людовику XVI вздумается взять хлыст Людовика XIV и прогнать этот бессильный парламент, то ему будут рукоплескать со всех сторон, правда из очень различных побуждений; но какое дело до этого тиранам, раз такое единодушие помогает их расчетам! Буржуазная аристократия в восторге, а народ подавлен отчаянием; поэтому надвигается гроза»³.

Сопоставим эти слова с приведенными нами выше словами Шометта и мы поймем, что в глазах революционного элемента парижского населения Собрание было тормозом, замедлявшим ход революции, или хуже того⁴.

¹ Письма г-жи Jullien к сыну (Journal d'une bourgeoise, pendant la Revolution. Publ. par Ed. Lockroy. Paris, 1881, p. 170). Если в этих письмах и встречаются некоторые мелкие ошибки в подробностях, то они во всяком случае очень ценны для этого периода именно потому, что показывают нам, что говорил или думал в тот или другой день революционный Париж.

² В письме к прусскому королю, писанном в 1793 г, монархист Лалли-Толандаль, прося об освобождении Лафайета (тогда уже в плену у пруссаков), перечислял услуги, оказанные двору вероломным генералом. Когда после вареннского бегства в июне 1791 г. короля привезли в Париж, самые влиятельные члены Учредительного собрания устроили совещание, на котором обсуждали вопрос о том, будет ли король предан суду и будет ли установлена республика. Тогда Лафайет сказал им: «Если вы убьете короля, то предупреждаю вас, что на другой день мы с национальной гвардией провозгласим королем наследного принца» — «Он — с нами, и теперь мы должны простить ему все», — говорила о Лафайете сестра короля Madame Elisabeth г-же де Тонер в июне 1792 г., а в начале июля 1792 г. Лафайет писал королю и получил от него ответ. В письме от 8 июня он предлагал королю организовать его бегство. Сам он намеревался явиться 15-го с 15 эскадронами и 8 пушками конной артиллерии, чтобы встретить короля в Компьене. Лалли-Толандаль, сам называвший себя роялистом по унаследованной в их семье религии, рассказывал затем под честным словом следующее: «Его воззвания к войску, его знаменитое письмо к Законодательному собранию, его неожиданное появление в заседании после ужасного дня 20 июня — все это было дне известно, ничто не делалось без моего участия... На другой день после его приезда в Париж я провел с ним час ночи, мы говорили о том, чтобы объявить войну якобинцам в самом Париже — войну в полном смысле слова». Их план состоял в следующем: сгруппировать «собственников, находящихся в тревоге, и всех многочисленных недовольных», чтобы объявить, что не нужно якобинцев, не нужно кордельеров; увлечь народ к Якобинскому клубу, «арестовать вожakov, захватить их бумаги и разрушить дом. Господин Лафайет всеми силами стремился к этому; он сказал королю: нужно уничтожить якобинцев физически и нравственно. Этому воспротивились его робкие друзья... Но он сам по крайней мере поклялся мне, что, возвратившись к своему войску, тотчас же начнет изыскивать пути к освобождению короля» Это письмо Лалли-Толандаль приведено целиком у Бюше и Ру (Buche B. — J., Roux P. — C. Histoire parlementaire de la Revolution francaise, v 1—10. Paris, 1834—1838, v. 17, p. 227 et suiv.) И несмотря на все это, «комиссары, отправленные Собранием к Лафайету после 10 августа, получили инструкцию предложить ему первое место при новом порядке».

В Национальном собрании среди жирондистов измена пустила, таким образом, более глубокие корни, чем это принято думать.

³ Journal d'une bourgeoise, p. 164.

⁴ «В настоящую минуту горизонт насыщен парами, от которых должен произойти взрыв, — писала г-жа Жюльен 8 августа — Собрание кажется мне слишком слабым, чтобы способствовать стремлениям народа, а народ кажется мне слишком сильным, чтобы дать ему поработить себя. Из этого столкновения, из этой борьбы должно произойти крупное событие свобода или рабство для 25 миллионов людей» (Journal d'une bourgeoise..., p. 211) И дальше «Низложение короля,